

ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ОПРОСНИКА КИБЕРБУЛЛИНГА И АГРЕССИИ В ИНТЕРНЕТЕ

А. А. Вихман¹, Е. Н. Волкова^{2,3}, Л. В. Скитневская⁴

*¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Российская Федерация*

*²Психологический институт Российской академии образования,
Москва, Российская Федерация*

*³Московский педагогический государственный университет,
Москва, Российская Федерация*

*⁴Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Социализация современного школьника неизбежно связана с цифровыми навыками и общением в Интернете. Интернет сам по себе выступает как когнитивная технология, имеющая множество выгод и возможностей для когнитивного развития и просвещения. Вместе с тем активность ребенка в Интернете может приводить к ряду рисков, в том числе к столкновению с агрессией в онлайн-пространстве. С развитием информационных технологий формируется особый вид буллинга – кибербуллинг. Нередко в отечественных научных статьях не приводятся данные о психометрических качествах анкет и опросников кибербуллинга, используемых в исследовании. Содержание анкеты кибербуллинга требует постоянного обновления и уточнения поведенческих манифестаций.

Материалы и методы. В статье представлены результаты психометрической проверки опросника кибербуллинга и агрессии в Интернете. Опросник состоит из 18 прямых вопросов и предназначен для определения опыта кибербуллинга. Психометрические свойства опросника исследовались на выборке 312 респондентов, девушек (N=231) и юношей (N=81) в возрасте от 13 до 22 лет.

Результаты исследования. С помощью процедуры эксплораторного факторного анализа установлена четырехкомпонентная структура опросника: кибервиктимность, киберагрессивность, негативные эмоции от опыта общения в Интернете и фактор помощи взрослых. Приведены результаты проверки трех шкал опросника на надежность: коэффициент внутренней согласованности α -Кронбаха шкал от 0,712 до 0,779. Шкалы опросника достоверно взаимосвязаны значениями корреляций от 0,50 до 0,60.

Обсуждение и заключения. Изучена конвергентная валидность опросника кибербуллинга: обнаружены достоверные корреляционные связи со всеми шкалами опросника интернет-зависимости (CIAS), а также связи с личностными характеристиками вспыльчивости, конфликтности, подозрительности и негативной агрессивности в целом (опросник «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина и П. А. Ковалева). Полученные результаты свидетельствуют о том, что данный опросник – надежный психодиагностический инструмент для диагностики и профилактики кибербуллинга.

Ключевые слова: кибербуллинг, кибервиктимность, психометрика, валидность, надежность

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания № 07-00080-21-02 от 18.08.2021 г. номер реестровой записи № 730000Ф.99.1. «Особенности цифровой социализации детей и подростков в контексте их когнитивного развития».

Для цитирования: Вихман А. А., Волкова Е. Н., Скитневская Л. В. Психометрическая проверка опросника кибербуллинга и агрессии в Интернете // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11, № 4. С. 9. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-4-9.

PSYCHOMETRIC ANALYSIS OF QUESTIONNAIRE OF CYBERBULLYING AND AGGRESSION ON THE INTERNET

A. A. Vikhman¹, E. N. Volkova^{2,3}, L. V. Skitnevskaya⁴

¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm Scientific Center of the Russian Academy of Education, Perm, Russian Federation

²Psychological Institute of the Russian Academy of Education Moscow, Russian Federation

³Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

⁴Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. The socialization of a modern teenager is inevitably connected with digital skills and communication on the Internet. The Internet itself acts as a cognitive technology that has many benefits and opportunities for cognitive development and education. At the same time, a child's activity on the Internet can lead to a number of risks, including a collision with aggression in the online space. With the development of information technology, a special type of bullying is being formed – cyberbullying. Often, Russian scientific articles do not provide data on the psychometric qualities of cyberbullying questionnaires and questionnaires used in the study. The content of the cyberbullying questionnaire requires constant updating and clarification of behavioral manifestations.

Materials and Methods. The paper describes the results of a psychometric test of questionnaire of cyberbullying and aggression on the Internet. The questionnaire consists of 18 direct questions and is designed to define the experience of cyberbullying. Psychometric features of the Survey were tested among sampled 312 respondents, including girls (n=231) and boys (n=81) at the age of 13-22.

Results. An exploratory factor analysis determines a four-component model of the Survey: cybervictimity, cyberaggression, negative emotions from online communication and a factor of adults' assistance. The Survey's scales were verified for their reliability: Cronbach's alpha coefficient of scales' internal consistence is 0.712 – 0.779. The Surveys' scales are reliably interconnected by their correlational ties from 0.50 to 0.60.

Discussion and Conclusions. Convergent validity of the Cyberbullying Survey is examined: this revealed reliable correlational ties with all CIAS scales, as well as with personal features of irascibility, proneness to conflicts, suspiciousness, and negative aggression on the whole (Personal Aggression and Proneness to Conflicts by E. P. Ilin and P. A. Kovalev). The obtained results prove

that the Survey under analysis is a reliable psychometric instrument for studying cyberbullying which could be applied for scientific purposes and in practice.

Keywords: cyberbullying, cybervictimity, psychometrics, validity, reliability

Acknowledgements: the study was supported by a state assignment No. 07-00080-21-02 of 08.18.2021 registry entry number 730000F.99.1.

For citation: Vikhman A. A., Volkova E. N., Skitnevskaya L. V. Psychometric analysis of questionnaire of cyberbullying and aggression on the Internet // Vestnik of Minin University. 2023. Vol. 11, no. 4. P. 9. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-4-9.

Введение

Социализация современного подростка и юноши неизбежно связана с цифровыми навыками и общением в Интернете. Интернет сам по себе выступает как когнитивная технология, имеющая множество выгод и возможностей для когнитивного развития и просвещения. Вместе с тем активность ребенка в Интернете может приводить к ряду рисков, в том числе к столкновению с агрессией в онлайн-пространстве. С развитием информационных технологий формируется особый вид буллинга – кибербуллинг. Кибербуллинг, в отличие от традиционного буллинга, имеет специфические свойства: повторение, анонимность, дистанционность, размытость границ отношений между жертвой и агрессором, неограниченное количество свидетелей, незаметность для взрослых [2; 11; 13; 21]. Часть этих специфических условий приводит к эффекту «растормаживания», когда участник коммуникации может делать в Интернете то, на что не решился бы в очной коммуникации [6]. К. Юдес с коллегами определяют феномен кибербуллинга как враждебное и умышленное поведение, связанное с межличностным насилием, повторяющимся с течением времени и реализуемым с использованием коммуникационных технологий (чат или обмен мгновенными сообщениями, веб-сайты, онлайн-игры и т. д.) против сверстников, неспособных защитить себя в полной мере [29]. Определение кибербуллинга, даваемое респондентам для пояснения до заполнения опросника кибербуллинга С. Хиндуджа и Д. Пэтчина, обозначено как ситуация, когда человек или группа постоянно высмеивают другого онлайн, задирают его через электронную почту, текстовые сообщения или публикуют о нем в Интернете то, что ему неприятно [22]. Р. Ковальски обозначает четыре основных компонента кибербуллинга: (а) умышленное агрессивное поведение; (б) повторение; (в) неравенство властных полномочий преступника и жертвы и (д) использование компьютерных технологий [26]. Разнообразная типология кибербуллинга представлена множеством как прямых, так и косвенных форм агрессии: флейминг¹, сексуальные домогательства и преследования, клевета и распространение слухов, перевоплощение в другое лицо, выманивание конфиденциальной информации и ее распространение, исключение человека из социальной сети или игрового сайта, хеппислепинг², секстинг³ и стремление отомстить или намеренно смутить человека,

¹ Флейминг – деструктивная онлайн-коммуникация в виде коротких агрессивных вербальных выпадов одного или нескольких участников онлайн-дискуссии.

² Хеппислепинг – видеоролики с записями реальных сцен насилия на мобильные телефоны или камеры.

³ Секстинг – стремление отомстить или намеренно смутить человека, размещая интимные фотографии или публикации фото/видеоматериалов с обнаженными и полуобнаженными людьми без согласия на рассылку.

разместив интимные фотографии или видео о нем без согласия, психологический прессинг по признаку расы, инвалидности, пола, религии или сексуальной ориентации [6; 11; 15; 16; 19; 27]. Некоторые авторы разграничивают виды киберагрессии, выделяя наравне с кибербуллингом другие феномены – флейминг, хейтинг⁴, троллинг⁵, киберсталкинг⁶ [12].

Обзор литературы

Нередко в отечественных научных статьях не приводятся данных о психометрических качествах анкет и опросников кибербуллинга, используемых в исследовании. Содержание анкеты кибербуллинга требует постоянного обновления и уточнения поведенческих манифестаций. Пандемия и блокировки социальных сетей меняют временные нормы чрезмерного и проблемного использования Интернета. Ощущается нехватка валидизированных опросников и анкет кибербуллинга. Стоит отметить, что ряд активно используемых психодиагностических методик (например, Adolescent Cyber-Aggressor Scale CYB-AGS [17], European cyberbullying intervention project questionnaire ECIPQ [20]) не переведены и психометрически не изучены на русскоязычных выборках.

Одно из наиболее последовательных и репрезентативных отечественных исследований киберагрессии проведено Фондом развития Интернета и факультетом психологии МГУ им. М. В. Ломоносова под научным руководством Г. У. Солдатовой. Исследование проводилось на основе методики, разработанной в рамках проекта EU Kids Online II. Вопросы охватывали разные проблемные области: интернет-грамотность детей и их родителей, их осведомленность об онлайн-рисках и способах борьбы с ними, их личный опыт обеспечения безопасности в Интернете, проблемы формирования идентичности в виртуальном пространстве. Опрос проводился в форме личного интервью с ребенком и родителем в домашней обстановке [8; 9]. Эти же авторы разработали опросники для подростков и для родителей. Опросники включали блоки вопросов, направленные на изучение различных аспектов использования Интернета и цифровой компетентности [9].

С. С. Антипина представила результаты адаптации англоязычного опросника типологии киберагрессии Cyber-aggression typology questionnaire (CATQ; K.C.Runions) на выборке русскоязычных подростков (общий объем выборки 421 респондент). Опросник состоит из четырех шкал: импульсивно-ответная киберагрессия, импульсивно-инициативная киберагрессия, произвольно-ответная киберагрессия и произвольно-инициативная киберагрессия. Анализ надежности шкал с помощью метода α -Кронбаха показал высокую надежность теста, факторный анализ (эксплораторный и конфирматорный) подтверждает теоретическую четырехфакторную структуру методики [1]. Методика описывает общий уровень киберагрессии подростков через оценку их мотивационных целей и способности к поведенческому самоконтролю.

А. А. Шаров адаптировал и валидизировал англоязычный опросник CYBA (Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents) на русскоязычной выборке (250 респондентов). Психометрическое исследование русскоязычной версии опросника включало анализ

⁴ Хейтинг – совершение или пропаганда с помощью Интернета ненавистнических действий, направленных против какой-либо группы или лица по признаку их пола, сексуальной ориентации, физических особенностей, расы, этнического происхождения, национальности, вероисповедания.

⁵ Троллинг – размещение на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтов посредством нарушения правил этического кодекса интернет-взаимодействия.

⁶ Киберсталкинг – скрытое выслеживание жертвы через Интернет с целью организации нападения, избиения, изнасилования.

содержательной и структурной валидности, внутренней согласованности и конвергентной валидности. Данные факторного анализа подтвердили трехфакторную модель опросника, представленную следующими шкалами: имперсонация, секстинг, вербально-визуальная киберагрессия и интегративная шкала киберагрессии [14]. Опросник самооценочного типа позволяет измерить общий уровень киберагрессии как интеграцию представленности имперсонации, секстинга, вербальной киберагрессии и эксклюзии. Эти формы не исчерпывают содержание киберагрессии и кибербуллинга.

Интересный опыт валидации опросника для оценки степени незащищенности индивидов от кибербуллинга на выборке 307 респондентов представлен В. П. Шейновым. Отмечается, что тест удовлетворяет основным критериям надежности: внутренняя согласованность, однородность, ретестовая надежность [15]. Это опросник для выявления предикторов кибербуллинга, его предпосылок, которые раскрываются через оценку рискованного использования информационно-коммуникационных технологий, числа друзей в сети Интернет, нарушений моральных принципов и социальных норм, депрессии и традиционных издевательств.

Следует заметить, что эти инструменты рассматривают разные стороны киберагрессии, не учитывая в полной мере сложную ролевую структуру деструктивного поведения в Интернете и, в частности, ролевую структуру кибербуллинга. Преимущества целостного подхода к оценке распространенности кибербуллинга сочетаются в опроснике Cyberbullying and Online Aggression Survey Instrument (COAS), впервые примененном С. Хиндуджей и Дж. Пэтчином в 2002 году [23] и с того времени участвующем в качестве основного инструмента в системе национальных и локальных мониторингов (см., например, www.cyberbullying.org). В отечественных исследованиях используются разные версии этого опросника. Например, для изучения опыта российских подростков в роли агрессора, жертвы и свидетеля К. Д. Хломов, Д. Г. Давыдов и А. А. Бочавер использовали модифицированную анкету 2015 года из 10 вопросов, направленных на выявление опыта встреч респондентов с эпизодами кибербуллинга в роли свидетеля, жертвы и агрессора, а также типов эмоционального и поведенческого реагирования на эти ситуации [13]. К сожалению, авторы не приводят сведений о психометрических характеристиках модифицированной версии инструмента, его возможностей и ограничений в результате применения на российской выборке. Между тем этот компактный и информативный инструмент, широко используемый в практике и раскрывающий совокупность проявлений целостной ролевой структуры кибербуллинга, может успешно использоваться как в практике организации помощи и профилактической работы, так и в системе мониторинга для принятия соответствующих управленческих решений и разработки адекватной стратегии реагирования на эскалацию кибербуллинга.

Традиционная методика COAS 2008 года состоит из нескольких частей: опросник и анкета. Первая часть опросник – 18 вопросов на кибервиктимность, киберагрессивность и негативные переживания от присутствия в Интернете. Вторая часть – анкетные уточняющие вопросы о причинах и источнике киберагрессии, эмоциональных последствиях кибербуллинга и поведенческой реакции на агрессию (вопросы 18-31; Приложение). Поскольку нам не удалось обнаружить в литературе сведений о психометрических свойствах этого инструмента, пригодных для работы на русскоязычных выборках, в том числе и в приведенных ранее публикациях, мы подвергли содержание методики психометрической проверке. В версии, предлагаемой для валидации, было значительно модифицировано содержание прямых вопросов. В связи с этим сформулированы эмпирические задачи исследования:

1. Изучить структурную валидность опросника методом факторного анализа с учетом изначальной комбинации вопросов и переформулированного содержания части пунктов. Учитывая модификацию опросника, мы не ориентируемся на изначальную структуру опросника.
2. Исследовать внутреннюю согласованность и взаимосвязанность шкал опросника.
3. Изучить конвергентную валидность шкал опросника.

Материалы и методы

Адаптация опросника COAS включала в себя пять этапов [3]. На первом этапе оригинальная версия опросника была переведена на русский язык. Затем на втором этапе русский вариант опросника был переведен на английский носителем языка. Потом была произведена экспертная оценка оригинальной и переведенной версии, осуществляемая специалистом в области психологии образования и проблем насилия над детьми (PhD, Human and Organizational Development/Systems, CEO of Changing Children's Worlds Foundation (CCWF)), Founder of International Child/Parent Development Program (ICDP-USA), President of the Child Rights and Protection Consultancy-International (CRPCI)). По итогам экспертизы в опросник были внесены изменения. Затем с помощью Гугл-формы, содержащей текст опросника и дополнительные вопросы по содержанию опросника, было проведено исследование, в котором приняли участие студенты высших учебных заведений в количестве 124 человек (средний возраст – 20,47). Шкалу виктимизации и шкалу оскорблений проверили на надежность и согласованность (коэффициент α -Кромбаха: шкала виктимизации – 0,74, шкала оскорблений – 0,76). Анализ ответов респондентов на дополнительные вопросы (был ли понятен смысл вопроса, все ли вопросы «звучали по-русски», комментарии) привел к необходимости скорректировать содержание 47% вопросов.

Адаптация содержания шкал опросника была выполнена с учетом содержания оригинальных шкал опросника и комментариев С. Хиндуджа и Дж. Пэтчина в тексте статьи 2008 года [22, 23]. Производимые изменения касались формы. Например, расширены варианты и способы киберагрессии (агрессия не только через коммуникацию, а еще через отправку фотографий, видео, размещения постов на страницах социальных сетей). Наличие в опроснике двух вопросов про помощь и информирование взрослых при возникновении онлайн-рисков объясняется практической направленностью инструментария.

Еще одна важная модификация методики – для «опросниковой» части убрано условие, ограничивающее время самооценки опыта кибербуллинга (*в течение последних 30 дней*). Учитывая изменение границ нормального и проблемного времени пребывания в Интернете, в реалиях 2022 года нет острой необходимости ограничивать время самоанализа опыта кибербуллинга одним месяцем. Вместе с тем в «анкетной» части методики в некоторых вопросах для оценки актуальности виктимизации такое условие вопроса оставлено (Приложение).

В качестве методики выявления интернет-аддикции использовалась активно применяемая в эмпирических исследованиях Китайская шкала зависимости от Интернета (CIAS), адаптированная для русского языка [7]. По мнению Ш. Ван, методика CIAS хорошо структурирована, измеряет интернет-зависимость относительно всесторонне и имеет высокую надежность (α -Кронбаха 0,93). Тест включает в себя 5 оценочных шкал: шкала компульсивных симптомов, шкала симптомов отмены, шкала толерантности, шкала внутриличностных проблем и шкала проблем с управлением временем.

Для диагностики агрессивности и конфликтности использовалась методика Е. П. Ильина и П. А. Ковалева «Личностная агрессивность и конфликтность» [5]. Тест оценивает важные для киберагрессивности личностные предикторы – вспыльчивость и конфликтность. Всего в опроснике 8 шкал: вспыльчивость, наступательность, обидчивость, неуступчивость, компромиссность, мстительность, нетерпимость к мнению других, подозрительность. В соответствии с ключом за каждый ответ «да» или «нет» к каждой шкале начисляется 1 балл. По каждой шкале испытуемые могут набрать от 0 до 10 баллов.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программы STATISTICA 10 (Dell Software Company). В ходе анализа вычислялись коэффициенты α -Кронбаха, корреляционные связи по критерию Спирмена, факторный анализ методом главных компонент.

Исследование проходило в очном формате в 2020-2022 годах. Выборку исследования составили 312 респондентов из учебных заведений города Перми: университетов, колледжей и школ. Средний возраст респондента выборки равняется 17,2 лет ($SD=1,95$) от 13 до 22 лет. Из общей выборки 231 респондент – девушки (73,8 % выборки), а 81 респондент (26,2 % выборки) – юноши.

Результаты исследования

Структурная валидность опросника определялась средствами факторного анализа пунктов по методу главных компонент с Varimax-вращением. Количество факторов определялось по критерию «каменистой осыпи» Кеттелла и критерию Кайзера (рисунок 1). Относительно большой «обрыв» после первой точки графика осыпи может свидетельствовать об одномерной структуре данных, наличии генерального фактора. Возможно, одномерность данных усиливается отсутствием в опроснике обратных пунктов, что может усиливать установку на положительный (или отрицательный) ответ. Вместе с тем у четырех факторов собственные значения больше единицы, что позволяет рассмотреть четырехфакторную структуру данных, объясняющую 52,9 % дисперсии данных (таблица 1).

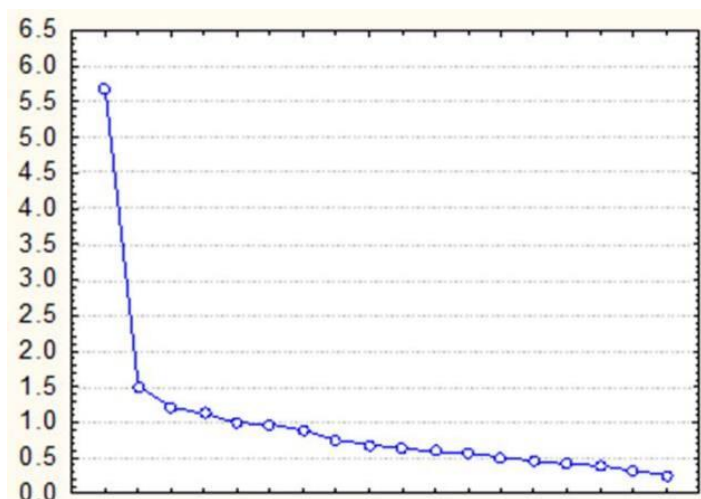

Рисунок 1 – График «каменистой осыпи» Кеттелла / Figure 1 – Cattell's "scree plot"

Таблица 1 – Факторные нагрузки 18 пунктов опросника кибербуллинга и агрессии в Интернете (N=312)

		Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Кибервиктимность	пункт 1	0,116	0,76	-0,012	-0,05
	пункт 2	0,152	0,599	0,139	0,245
	пункт 3	0,317	0,489	0,171	0,224
	пункт 9	0,302	0,523	0,311	0,053
	пункт 11	0,389	0,428	0,346	0,045
	пункт 12	0,294	0,427	0,168	0,123
Негативная эмоциональная реакция	пункт 4	0,239	0,177	0,725	0,07
	пункт 5	0,156	0,215	0,802	0,041
	пункт 6	0,058	0,553	0,211	0,008
	пункт 10	0,208	0,139	0,678	0,138
Киберагрессивность	пункт 13	0,441	0,334	0,052	0,048
	пункт 14	0,771	0,155	0,197	0,007
	пункт 15	0,764	0,21	0,054	0,017
	пункт 16	0,654	0,127	0,27	0,083
	пункт 17	0,743	0,055	0,252	0,008
	пункт 18	0,536	0,222	0,105	0,047
Помощь взрослых	пункт 7	0,162	0,021	0,111	0,818
	пункт 8	-0,071	0,152	0,002	0,852
Собственное значение		3,3	2,5	2,2	1,6
Процент дисперсии		18,2	13,9	12,1	8,7

Table 1 – Factor loadings of 18 items of the Cyberbullying and Internet Aggression Questionnaire (N=312)

		Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4
Cyber Victimization	item 1	0,116	0,76	-0,012	-0,05
	item 2	0,152	0,599	0,139	0,245
	item 3	0,317	0,489	0,171	0,224
	item 9	0,302	0,523	0,311	0,053
	item 11	0,389	0,428	0,346	0,045
	item 12	0,294	0,427	0,168	0,123
Negative emotional reaction	item 4	0,239	0,177	0,725	0,07
	item 5	0,156	0,215	0,802	0,041
	item 6	0,058	0,553	0,211	0,008
	item 10	0,208	0,139	0,678	0,138
Cyber Aggressiveness	item 13	0,441	0,334	0,052	0,048
	item 14	0,771	0,155	0,197	0,007
	item 15	0,764	0,21	0,054	0,017
	item 16	0,654	0,127	0,27	0,083
	item 17	0,743	0,055	0,252	0,008
	item 18	0,536	0,222	0,105	0,047
Adult help	item 7	0,162	0,021	0,111	0,818
	item 8	-0,071	0,152	0,002	0,852
Eigenvalue		3,3	2,5	2,2	1,6
Percentage of Variance		18,2	13,9	12,1	8,7

Эмпирически выявлены 4 фактора: киберагрессивность (18,2% дисперсии), кибервиктимность (13,9% дисперсии), негативная эмоциональная реакция (12,1% дисперсии) и помощь взрослых (8,7% дисперсии). Вопросы о негативной эмоциональной реакции от посещения Интернета выделяются в отдельный фактор.

Два вопроса «Ваши родители объясняли Вам, как безопасно пользоваться Интернетом?» и «Ваши преподаватели объясняли Вам, как безопасно пользоваться Интернетом?» вошли в отдельный фактор с самой низкой долей процента дисперсии. Изначально опросник COAS 2008 года был создан для практических целей, а не для выявления личностной или ролевой структуры участника кибербуллинга. Этим объясняется нетипичность этих двух вопросов в тесте. Учитывая поисковый характер исследования и факт того, что всего два пункта в факторе, было решено в дальнейшем анализе надежности и конвергентной валидности эту шкалу не учитывать. Вместе с тем, для практического психолога, работающего с семьями и родителями респондентов, рекомендуется прямо интерпретировать ответы на эти вопросы и использовать их как предлог для обсуждения тем родительской медиации поведения детей в Интернете. Вопрос № 6 попал в фактор «Кибервиктимность», хотя теоретически ожидался в факторе «Негативная эмоциональная реакция». В связи с этим он был исключен из финальной версии теста.

Анализ корреляционных связей, выявленных непараметрическим методом Спирмена, свидетельствует о хорошей взаимосвязанности и внутренней согласованности шкал опросника (таблица 2).

Таблица 2 – Корреляционная согласованность шкал опросника (N=312)

	Среднее	Стандартное отклонение	1	2	3
1. Кибервиктимность	4,13	3,63	-		
2. Негативная эмоциональная реакция	3,19	2,51	0,57***	-	
3. Киберагрессивность	3,23	3,77	0,60***	0,50***	-

Примечание: *** $p < 0,001$; 1 – кибервиктимность, 2 – киберагрессивность, 3 – негативная эмоциональная реакция

Table 2 – Correlation consistency of questionnaire scales (N=312)

	Mean	Standard Deviation	1	2	3
1. Cyber victimization	4,13	3,63	-		
2. Negative emotional reaction	3,19	2,51	0,57***	-	
3. Cyber aggressiveness	3,23	3,77	0,60***	0,50***	-

Note: *** $p < 0.001$; 1 – cyber victimization, 2 – cyber aggressiveness, 3 – negative emotional reaction

Надежность разработанного опросника обеспечивается проверкой на внутреннюю согласованность (однородность или гомогенность) частей теста. Мера гомогенности – стандартизованная α -Кронбаха. Значения α -Кронбаха меньше 0,6 считаются признаком низкой надежности теста. Данные по гомогенности свидетельствуют о высокой однородности шкал, α -Кронбаха варьируется от 0,712 до 0,779 (таблица 3).

Таблица 3 – Внутренняя согласованность шкал опросника (N=312)

	α -Кронбаха	Стандартизированная α -Кронбаха
Кибервиктимность	0,740	0,742
Киберагрессивность	0,779	0,784
Негативные эмоции от интернета	0,712	0,715
Общий балл вовлеченности в кибербуллинг	0,784	0,796

Table 3 – Internal consistency of questionnaire scales (N=312)

	α -Cronbach's	Standardized α -Cronbach's
Cyber victimization	0,740	0,742
Cyber aggressiveness	0,779	0,784
Negative emotions from the Internet	0,712	0,715
Overall Cyberbullying Involvement Score	0,784	0,796

Далее изучалась конвергентная валидность шкал опросника. Конвергентная валидность означает, что тест должен иметь достоверные корреляции с другими переменными, с которыми он должен коррелировать, исходя из теоретических предположений. Опыт эмпирических исследований предикторов кибербуллинга подтверждает связи киберагрессии и кибервиктимности с феноменами конфликтности, мстительности, гневливости, подозрительности [4, 16, 19, 24, 25, 26]. Специфика условий возникновения кибербуллинга и его зависимость от цифровой среды должны формировать сильные связи между киберагрессивностью и кибервиктимностью, с одной стороны, и шкалами компьютерной зависимости и личностной агрессивности, с другой стороны. Учитывая специфику тестирования (как часть более масштабного исследования, которое не описывается в данной статье) и ограниченный контингент выборки проверки конвергентной валидности, был использован более «слабый» непараметрический корреляционный анализ. В результате непараметрического корреляционного анализа установлено, что шкалы компьютерной зависимости высоко достоверно связаны с кибервиктимностью и с разной степенью достоверности с киберагрессивностью (таблица 4). Проблемы с управлением временем ($r=0,31$), внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем ($r=0,30$) наиболее тесно связаны с виктимным опытом в Интернете.

Таблица 4 – Корреляционные связи между шкалами опросника кибербуллинга и компьютерной зависимостью (n=105)

	КВ	НЭР	КБ
Компульсивные симптомы	0,27***	0,19***	0,17**
Симптомы отмены	0,24***	0,18**	0,12*
Симптомы толерантности	0,22***	0,17**	0,12*
Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем	0,30***	0,24***	0,20***
Проблемы с управлением временем	0,31***	0,19***	0,18**
Общая шкала	0,32***	0,23***	0,19***

Примечание: * $p<0,05$; ** $p<0,01$; *** $p<0,001$; КВ – кибервиктимность, КА – киберагрессивность, НЭР – негативная эмоциональная реакция

Table 4 – Correlations between scales of the cyberbullying questionnaire and computer addiction (n=105)

	КВ	НЭР	КБ
Compulsive symptoms	0,27***	0,19***	0,17**
Withdrawal symptoms	0,24***	0,18**	0,12*
Symptoms of tolerance	0,22***	0,17**	0,12*
Intrapersonal and health problems	0,30***	0,24***	0,20***
Time management problems	0,31***	0,19***	0,18**
General scale	0,32***	0,23***	0,19***

Note: * $p<0.05$; ** $p<0.01$; *** $p<0.001$; CV – cyber victimization, KA – cyber aggressiveness, NER – negative emotional reaction

Далее, на ограниченной выборке респондентов (n=73) выявлены разные достоверные корреляционные связи между шкалами опросника кибербуллинга, с одной стороны, и личностной агрессивностью, конфликтностью, с другой стороны (таблица 5).

Таблица 5 – Корреляционные связи между шкалами опросника кибербуллинга и личностной агрессивностью и конфликтностью (n=73)

	Кибервиктимность	НЭР	Киберагрессивность
Вспыльчивость	0,47***	0,38***	0,29*
Напористость	0,17	0,22	0,14
Обидчивость	0,22	0,05	0,28*
Неуступчивость	-0,24*	-0,06	-0,26*
Мстительность	0,33**	0,19	0,24*
Нетерпимость к мнению других	0,13	0,02	0,21
Подозрительность	0,31**	0,23*	0,35**
Позитивная агрессивность	-0,05	0,16	-0,1
Негативная агрессивность	0,31**	0,14	0,29*
Конфликтность	0,40***	0,31**	0,34**

Примечание: * $p<0.05$; ** $p<0.01$; *** $p<0.001$; НЭР – негативная эмоциональная реакция

Table 5 – Correlations between the scales of the cyberbullying questionnaire and personal aggressiveness and conflict (n=73)

	Cyber victimization	NER	Cyber aggressiveness
Hot temper	0,47***	0,38***	0,29*
Assertiveness	0,17	0,22	0,14
Touchiness	0,22	0,05	0,28*
Intransigence	-0,24*	-0,06	-0,26*
Vindictiveness	0,33**	0,19	0,24*
Intolerance for the opinions of others	0,13	0,02	0,21
Suspicion	0,31**	0,23*	0,35**
Positive Aggression	-0,05	0,16	-0,1
Negative aggressiveness	0,31**	0,14	0,29*
Conflict	0,40***	0,31**	0,34**

Note: * $p<0.05$; ** $p<0.01$; *** $p<0.001$; NER – negative emotional reaction

Наиболее тесные связи кибервиктимности обнаружены с вспыльчивостью (0,47) и конфликтностью (0,40), а киберагрессивность связана с подозрительностью (0,35) и конфликтностью (0,34). Вместе с тем обнаружена одна неожиданная отрицательная корреляционная взаимосвязь: между феноменами кибербуллинга, с одной стороны, и неуступчивостью, с другой стороны.

Обсуждение и заключения

Критерий Кайзера демонстрирует два возможных решения вопроса относительно структуры модифицированного опросника: единый генеральный фактор или четыре отдельных фактора.

Обращает на себя внимание пункт № 6 «Вы расстраивались из-за содержания сообщения в Интернете или смс?», который по смыслу относится к негативной эмоциональной реакции, но эмпирически был выделен в факторе «кибервиктимность». Возможно, очень общая формулировка вопроса создает ситуацию, когда он может манифестировать как кибервиктимность, так и наличие негативных эмоций от общения в Интернете. Имеет смысл уточнить вопрос в формулировке эмоциональных реакций и предложить формулировку «Ваше настроение было испорчено из-за содержания сообщения в Интернете или смс?».

Корреляционный анализ выявил сильную взаимосвязанность шкал опросника. С одной стороны, этот факт создает проблему зависимости отдельных факторов и свидетельствует об одномерной структуре данных, что требует дополнительных психометрических исследований. С другой стороны, тесная взаимосвязь между вопросами на киберагрессивность и вопросами на кибервиктимность не является необычной и хорошо описана в научной литературе.

Согласно систематическим обзорам и метаанализу причин кибербуллинга факт участия в агрессии в роли жертвы является одним из частых и надежных его предикторов [16, 19, 26]. Подобная тенденция хорошо исследована в ситуации похожего на кибербуллинг традиционного буллинга: буллеры часто сами являлись жертвами буллинга. Например, исследования феномена массового насилия в учебных заведениях показывают, что надежного психологического профиля «школьного стрелка» не существует, однако накопленная статистика указывает на то, что важнейшим фактором риска такого вида агрессии является наличие опыта издевательств [18]. Жертвам агрессии с низким эмоциональным и социальным интеллектом сложно просить и получать помощь от сверстников, из-за чего они испытывают повторную виктимизацию. Повторная виктимизация снижает дружелюбие и приводит к тому, что жертвы часто становятся буллерами [28].

Р. Ковальски отмечает, что вовлеченность кибербуллера в агрессивную коммуникацию в Интернете со временем создает ситуацию его отдаления от сверстников, снижения популярности и школьной успеваемости, что, в свою очередь, усиливает ситуационные причины перехода в роль кибержертвы [19]. С другой стороны, месть жертвы является частым мотивом киберагрессии. В отличие от традиционного буллинга, киберобидчики, будучи не в состоянии отомстить лицом к лицу, могут успешно мстить жертвам в безопасной киберсреде в качестве компенсации за невозможность победить в очном споре. Ученики, подвергавшиеся традиционным издевательствам, определенно склонны выбирать своих бывших обидчиков в качестве кибержертв [24].

Проверка на конвергентную валидность модифицированного опросника выявила многочисленные корреляционные связи между шкалами валидизируемого теста, с одной

стороны, и шкалами опросников на интернет-зависимость, агрессивность и конфликтность, с другой стороны. В целом для шкал кибервиктимности и киберагрессивности выявлены корреляционные связи, которые отличаются в основном только уровнем значимости. Заметно, что уровень значимости связей с вспыльчивостью, конфликтностью, мстительностью выше со шкалой кибервиктимности. Кибервиктимность в нашем варианте выявляет не столько свойство личности, сколько ролевую позицию жертвы в кибербуллинге. Несмотря на то, что в роли жертвы кибербуллинга может оказаться любой подросток, по данным исследований, чаще других в этой роли оказываются подростки в амбивалентной роли обидчика-жертвы. Исследования Е. А. Гусейновой и С. Н. Ениколопова показали, что у подростков со смешанной ролевой позицией в буллинге самый высокий уровень агрессии: враждебность выше, чем у группы обидчиков из-за периодической роли жертвы в обществе. У подростков обидчиков-жертв почти в 30 % случаев превышена норма по всем компонентам агрессии: поведенческому, эмоциональному и когнитивному, что и приводит к высоким результатам по показателю агрессии в общем [3].

Кроме того, для объяснения более тесной связи киберзависимости и кибервиктимности (в отличие от киберагрессивности) следует учитывать сильный гендерный дисбаланс выборки исследования: большая часть нашей выборки – девушки раннего юношеского возраста. Девушки, в отличие от юношей, чаще выбирают косвенные стратегии в агрессии (в том числе и киберагрессии), что может сказываться на том, что выбор явно агрессивного поведения в Интернете (например, отправка оскорбительного фото) должен быть обусловлен большей компьютерной зависимостью, которая в свою очередь выступает как важнейший «усилитель» негативных эффектов интернет-поведения [25].

В целом можно с осторожностью говорить о том, что анализируемый инструмент соответствует заявленным функциям, а именно выявлению опыта кибервиктимности, киберагрессивности и наличия негативных эмоций от посещения Интернета. Инструмент пригоден для использования как в научно-исследовательских, так и в практических целях в различных сферах образования и практической психологии. Шкалы опросника обладают достаточной гомогенностью, что выражается в показателях α -Кронбаха от 0,712 до 0,779. Корреляционный анализ демонстрирует сильную взаимосвязанность шкал опросника. Конвергентная валидность показала корректность паттернов взаимосвязи кибербуллинга и конструкторов компьютерной зависимости и личностной агрессивности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опросник кибербуллинга и агрессии в Интернете

Инструкция: Вам будет предложен ряд вопросов и утверждений. Для каждого утверждения отметьте, пожалуйста, насколько оно подходит Вам, выбрав соответствующий вариант ответа. Прочитайте утверждения внимательно, прежде чем ответить. Отвечайте, пожалуйста, максимально честно. Спасибо!

Варианты оценок:

a – никогда

b – однажды или дважды

c – иногда

d – часто

e – каждый день

1. Вас высмеивали в чате в Интернете?	
2. Вы получали письма от знакомых людей по мобильному телефону или Интернету, которые Вас разозлили?	
3. Вы получали письма от незнакомых людей по мобильному телефону или Интернету, которые Вас разозлили? (спам-сообщения не учитывайте)	
4. Вы расстраивались из-за того, что кто-то опубликовал на вашей странице в ВКонтакте какую-либо запись?	
5. Вы расстраивались из-за того, что кто-то распускал слухи о Вас в социальной сети?	
6. Ваши родители объясняли Вам, как безопасно пользоваться Интернетом?	
7. Ваши преподаватели объясняли Вам, как безопасно пользоваться Интернетом?	
8. Вас задирали или издевались над Вами онлайн?	
9. Вы боялись выходить в Интернет?	
10. Кто-нибудь публиковал о Вас сообщение в Интернете, которое Вы предпочли бы не показывать?	
11. Кто-нибудь присылал Вам сообщения или задавал в социальных сетях вопросы сексуального характера, которые вызывали у вас дискомфорт?	
12. Вы искажали информацию о своём возрасте в Интернете?	
13. Вы публиковали информацию о другом человеке, чтобы выставить его/ее на посмешище?	
14. Вы отправляли фотографию или видео другому человеку, чтобы рассердить его/ее или выставить на посмешище?	
15. Вы публиковали злые или обидные комментарии о ком-либо в Интернете?	
16. Вы публиковали пост на странице другого человека в социальных сетях, чтобы рассердить его/ее или выставить на посмешище?	
17. Вы фотографировали человека без его разрешения и размещали эту фотографию в социальной сети?	

Кибербуллинг – это ситуация, когда человек или группа постоянно высмеивают другого онлайн, задирают его через электронную почту, текстовые сообщения или публикуют о нем в Интернете то, что ему неприятно.

Ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы, поставив галочку напротив ответа

18. В течение своей жизни я был кибербуллером (высмеивал других в интернете, по email и через телефон)

a. Никогда (переходите к вопросу 22)	
b. Редко	
c. Иногда	
d. Довольно часто	
e. Часто	
f. Очень часто	

19. В течение последних 30 дней я был кибербуллером (высмеивал других в интернете, по email и через телефон):

a. Никогда	
b. Однажды или дважды	
c. Несколько раз	

d. Много раз	
e. Каждый день	

20. Если Вы были кибербуллером, по какой основной причине Вы это делали?

a. Чтобы отомстить	
b. Потому что они заслужили это	
c. Потому что другие делали это	
d. Ради забавы	
e. Потому что они издевались надо мной в школе	
f. Чтобы выпустить гнев	
g. Чтобы продемонстрировать свою силу	
h. Потому что ненавижу их	
i. Другие причины	

Другие причины: _____

21. В течение своей жизни я был жертвой кибербуллинга:

a. Никогда	
b. Редко	
c. Иногда	
d. Довольно часто	
e. Часто	
f. Очень часто	

Следующие вопросы могут вызвать у Вас неприятные воспоминания. Пожалуйста, помните, что вы можете отказаться от участия в исследовании в любой момент.

22. В течение последних 30 дней я был жертвой кибербуллинга:

a. Никогда	
b. Однажды или дважды	
c. Несколько раз	
d. Много раз	
e. Каждый день	

23. Были ли вы знакомы с человеком, который Вас обижал? Кто это был?

a. Друг (подруга)	
b. Кто-то из школы	
c. Бывший друг (бывшая подруга)	
d. Бывшая девушка (бывший парень)	
e. Знакомый из чата	
f. Незнакомец	
g. Разные люди	
h. Другой ответ	

Другой ответ: _____

24. Были ли Вы знакомы в реальной жизни с человеком, который издевался над Вами в Интернете?

a. Да	
b. Нет	
c. Не знаю	

*Варианты оценок:***a – никогда****b – однажды или дважды****c – иногда****d – часто****e – каждый день****В течение последних 30 дней:**

25. Вы были жертвой кибербуллинга в учебном заведении?	
26. Угрозы из онлайн-среды были претворены в жизнь в учебном заведении?	
27. Вы рассказывали о том, что столкнулись с кибербуллингом?	
28. Вы рассказывали своим родителям о том, что столкнулись с кибербуллингом?	
29. Вы рассказывали своему другу о том, что столкнулись с кибербуллингом?	
30. Вы рассказывали своему учителю (преподавателю) о том, что столкнулись с кибербуллингом?	

31. Как Вы отреагировали на кибербуллинг?

a. Выключил(а) компьютер	
b. Заблокировал(а) обидчика	
c. Сменил(а) никнейм (логин)	
d. Покинул(а) сайт	
e. Вызвал(а) полицию	
f. Ничего не сделал(а)	
g. Другое	

Ключ к опросниковой части методики (вопросы 1-17)

Ответы оцениваются: никогда (a) – 0 баллов; однажды или дважды (b) – 1 балл; иногда (c) – 2 балла; часто (d) – 3 балла; каждый день (e) – 4 балла.

Шкала «Кибервиктимность, наличие опыта жертвы в агрессии в Интернете» – утверждения 1, 2, 3, 8, 10, 11.

Шкала «Негативные эмоции от опыта общения в Интернете (негативная эмоциональная реакция)» – утверждения 4, 5, 9.

Шкала «Киберагрессивность, опыт агрессора и манипулятора в Интернете» – утверждения 12, 13, 14, 15, 16, 17.

Шкала «Помощь, участие взрослых» – утверждения 6, 7.

Общая сумма трёх шкал (за исключением вопросов 6,7) – суммарный показатель вовлеченности в кибербуллинг.

Список использованных источников

1. Антипина С. С. Опросник «типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики // Вестник КемГУ. 2021. № 1 (85). С. 113-122.
2. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3 (11). С. 178-191.
3. Волкова Е. Н., Волкова И. В., Голубовская А. В. Проблемы кибербуллинга в современных психологических исследованиях // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: материалы международной научно-практической конференции, Псков, 11–13 апреля 2019 года / под редакцией Д. Я. Грибановой. Псков: Псковский государственный университет, 2019. С. 339-342.
4. Гусейнова Е. А., Ениколопов С. Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку // Психолого-педагогические исследования. 2014. № 2. С. 246-256.
5. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений: учебник. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 324 с.
6. Карауш И. С., Куприянова И. Е., Кузнецова А. А. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков // Суицидология. 2020. Т. 11, № 1 (38). С. 117-129. DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129.
7. Малыгин В. Л., Искандирова А. В., Смирнова Е. А., Хомерики Н. С. Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика. Москва: Арсенал образования, 2010. 32 с.
8. Солдатова Г. У., Зотова Е. Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн-ситуация и способы совладания // Образовательная политика. 2011. № 5 (55). С. 11-22.
9. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. Москва: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
10. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Львова Е. Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 103-109. DOI: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-103-109.
11. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. Москва: Смысл, 2017. 375 с.
12. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 3-20. DOI: 10.11621/nprj.2020.0201.
13. Хломов К. Д., Давыдов Д. Г., Бочавер А. А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. № 2 (9). С. 276-295. DOI: 10.17759/psylaw.2019090219.
14. Шаров А. А. Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника СУВА // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, № 2 (34). С. 118-125. DOI: 10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125.
15. Шейнов В. П. Опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от кибербуллинга»: разработка и предварительная валидизация // Вестник Российского

- университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 3. С. 521-541. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-521-541.
16. Bashir F., Rehman M., Amin A. Cyberbullying: A Systematic Literature Review to Identify the Factors Impelling University Students Towards Cyberbullying // IEEE Access. 2020. Vol. 8. Pp. 148031-148051. DOI: PP.1-1.10.1109/ACCESS.2020.3015669.
 17. Buelga S., Postigo J., Martínez-Ferrer B., Cava M., Ortega-Barón J. Cyberbullying among Adolescents: Psychometric Properties of the CYB-AGS Cyber-Aggressor Scale // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17(9). Pp. 3090. DOI: 10.3390/ijerph17093090.
 18. Bonanno C., Levenson R. School Shooters: History, Current Theoretical and Empirical Findings, and Strategies for Prevention // SAGE Open. 2014. Vol. 4 (1). Pp. 11-21. DOI: 10.1177/2158244014525425.
 19. Chen L., Ho S. S., Lwin M. O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach // New Media & Society. 2017. Vol. 19. Pp. 1194-1213. DOI: 10.1177/1461444816634037.
 20. Del Rey R., Casas J., Ortega-Ruiz R., Schultze-Krumbholz A., Scheithauer H., Smith P., Smith P., Thompson F., Barkoukis V., Tsorbatzoudis H., Brighi A., Guarini A., Pyzalski J., Plichta P. Structural validation and cross-cultural robustness of the European cyberbullying intervention project questionnaire // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 50. Pp. 141-147. DOI: 10.1016/j.chb.2015.03.065.
 21. Francisco S. M., Simão A. M., Ferreira P. C., Dores Martins M. J. Cyberbullying: The hidden side of college students // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 43. Pp. 167-182. DOI: 10.1016/j.chb.2014.10.045.
 22. Hinduja S., Patchin J. W. Cyberbullying: an exploratory analysis of factors related to offending and victimization // Deviant Behavior. 2008. Vol. 29. Pp. 129-156. DOI: 10.1080/01639620701457816.
 23. Hinduja S., Patchin J. W. Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying. 2nd edition. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2015. 312 p.
 24. König A., Gollwitzer M., Steffgen G. Cyberbullying as an act of revenge? // Australian Journal of Guidance and Counselling. 2010. Vol. 20(2). Pp. 210-224. DOI: 10.1375/ajgc.20.2.210.
 25. Kokkinos C. M., Baltzidis E., Xynogala D. Prevalence and personality correlates of Facebook bullying among university undergraduates // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 55. Pp. 840-850.
 26. Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140, no. 4. Pp. 1073-1139. DOI: 10.1037/a0035618.
 27. Notar C., Padgett S., Roden J. Cyberbullying: Resources for Intervention and Prevention // Universal Journal of Educational Research. 2013. Vol. 1(3). Pp. 133-145. DOI: 10.13189/ujer.2013.010301.
 28. Tani F., Greenman P., Schneider B., Fregoso M. Bullying and the Big Five. A study of childhood personality and participant roles in bullying incidents // School Psychology International. 2003. Vol. 24. Pp. 131-146. DOI: 10.1177/0143034303024002001.
 29. Yudes C. Rey, L. Extremera N. Predictive Factors of Cyberbullying Perpetration amongst Spanish Adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. No. 17. P. 3967. DOI: 10.3390/ijerph17113967.

References

1. Antipina S. S. Questionnaire “typology of cyber aggression”: structure and primary psychometric characteristics. *Vestnik KemGU*, 2021, no. 1 (85), pp. 113-122. (In Russ.)
2. Bochaver A. A., Hlomov K. D. Cyberbullying: bullying in the space of modern technologies. *Psihologiya. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 2014, no. 3 (11), pp. 178-191. (In Russ.)
3. Volkova E. N., Volkova I. V., Golubovskaya A. V. Problems of cyberbullying in modern psychological research. *Aktual'nye problemy razvitiya lichnosti v sovremennom obshchestve: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Pskov, 11–13 aprelya 2019 goda / pod redakciej D. YA. Gribanovoj*. Pskov, Pskovskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2019. Pp. 339-342. (In Russ.)
4. Gusejnova E. A., Enikolopov S. N. The influence of a teenager's position in bullying on his aggressive behavior and self-esteem. *Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 2014, no. 2, pp. 246-256. (In Russ.)
5. Il'in E. P. Psychology of communication and interpersonal relations: textbook. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 324 p. (In Russ.)
6. Karaush I. S., Kupriyanova I. E., Kuznecova A. A. Cyberbullying and suicidal behavior in adolescents. *Suicidologiya*, 2020, vol. 11, no. 1 (38), pp. 117-129, doi: 10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129. (In Russ.)
7. Malygin V. L., Iskandirova A. V., Smirnova E. A., Homeriki N. S. Internet-dependent behavior in adolescents. Clinic, diagnosis, prevention. Moscow, Arsenal obrazovaniya Publ., 2010. 32 p. (In Russ.)
8. Soldatova G. U., Zotova E. YU. Cyberbullying in a school environment: a difficult online situation and ways of coping. *Obrazovatel'naya politika*, 2011, no. 5 (55), pp. 11-22. (In Russ.)
9. Soldatova G. U., Nestik T. A., Rasskazova E. I., Zotova E. YU. Digital competence of adolescents and parents. Results of an all-Russian study. Moscow, Fond Razvitiya Internet Publ., 2013. 144 p. (In Russ.)
10. Soldatova G. U., CHigar'kova S. V., L'vova E. N. Online aggression and adolescents: results of a study of schoolchildren in Moscow and the Moscow region. *Epoha nauki*, 2017, no. 12, pp. 103-109, doi: 10.1555/2409-3203-2017-0-12-103-109. (In Russ.)
11. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Nestik T. A. Digital generation of Russia: competence and security. Moscow, Smysl Publ., 2017. 375 p. (In Russ.)
12. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., CHigar'kova S. V. Types of cyber aggression: experience of adolescents and youth. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2020, no. 2 (38), pp. 3-20, doi: 10.11621/npj.2020.0201. (In Russ.)
13. Hlomov K. D., Davydov D. G., Bochaver A. A. Cyberbullying in the experience of Russian teenagers. *Psihologiya i parvo*, 2019, no. 2 (9), pp. 276-295p doi: 10.17759/psylaw.2019090219. (In Russ.)
14. SHarov A. A. Measuring cyber aggression: development of a Russian-language analogue of the CYBA questionnaire. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*, 2020, vol. 9, no. 2 (34), pp. 118-125, doi: 10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125. (In Russ.)
15. SHEjnov V. P. Questionnaire “Assessing the degree of vulnerability of individuals from cyberbullying”: development and preliminary validation. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, 2020, vol. 17, no. 3, pp. 521-541, doi: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-521-541. (In Russ.)

16. Bashir F., Rehman M., Amin A. Cyberbullying: A Systematic Literature Review to Identify the Factors Impelling University Students Towards Cyberbullying. *IEEE Access*, 2020, vol. 8, pp. 148031-148051, doi: PP.1-1.10.1109/ACCESS.2020.3015669.
17. Buelga S., Postigo J., Martínez-Ferrer B., Cava M., Ortega-Barón J. Cyberbullying among Adolescents: Psychometric Properties of the CYB-AGS Cyber-Aggressor Scale. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17(9), pp. 3090, doi: 10.3390/ijerph17093090.
18. Bonanno C., Levenson R. School Shooters: History, Current Theoretical and Empirical Findings, and Strategies for Prevention. *SAGE Open*, 2014, vol. 4 (1), pp. 11-21, doi: 10.1177/2158244014525425.
19. Chen L., Ho S. S., Lwin M. O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach. *New Media & Society*, 2017, vol. 19, pp. 1194-1213, doi: 10.1177/1461444816634037.
20. Del Rey R., Casas J., Ortega-Ruiz R., Schultze-Krumbholz A., Scheithauer H., Smith P., Smith P., Thompson F., Barkoukis V., Tsorbatzoudis H., Brighi A., Guarini A., Pyzalski J., Plichta P. Structural validation and cross-cultural robustness of the European cyberbullying intervention project questionnaire. *Computers in Human Behavior*, 2015, vol. 50, pp. 141-147, doi: 10.1016/j.chb.2015.03.065.
21. Francisco S. M., Simão A. M., Ferreira P. C., Dores Martins M. J. Cyberbullying: The hidden side of college students. *Computers in Human Behavior*, 2015, vol. 43, pp. 167-182, doi: 10.1016/j.chb.2014.10.045.
22. Hinduja S., Patchin J. W. Cyberbullying: an exploratory analysis of factors related to offending and victimization. *Deviant Behavior*, 2008, vol. 29, pp. 129-156, doi: 10.1080/01639620701457816.
23. Hinduja S., Patchin J. W. *Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying*. 2nd edition. Thousand Oaks, CA, Sage Publications, 2015. 312 p.
24. König A., Gollwitzer M., Steffgen G. Cyberbullying as an act of revenge? *Australian Journal of Guidance and Counselling*, 2010, vol. 20(2), pp. 210-224, doi: 10.1375/ajgc.20.2.210.
25. Kokkinos C. M., Baltzidis E., Xynogala D. Prevalence and personality correlates of Facebook bullying among university undergraduates. *Computers in Human Behavior*, 2016, vol. 55, pp. 840-850.
26. Kowalski R. M., Giumetti G. W., Schroeder A. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, 2014, vol. 140, no. 4, pp. 1073-1139, doi: 10.1037/a0035618.
27. Notar C., Padgett S., Roden J. Cyberbullying: Resources for Intervention and Prevention. *Universal Journal of Educational Research*, 2013, vol. 1(3), pp. 133-145, doi: 10.13189/ujer.2013.010301.
28. Tani F., Greenman P., Schneider B., Fregoso M. Bullying and the Big Five. A study of childhood personality and participant roles in bullying incidents. *School Psychology International*, 2003, vol. 24, pp. 131-146, doi: 10.1177/0143034303024002001.
29. Yudes C. Rey, L. Extremera N. Predictive Factors of Cyberbullying Perpetration amongst Spanish Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, no. 17, p. 3967, doi: 10.3390/ijerph17113967.

Информация об авторах

Вихман Александр Александрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии, директор Пермского научного центра Российской академии образования при ПГППУ, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ПГППУ), Пермь, Российская Федерация; ORCID: 0000-0002-5483-1702, SPIN-код: 6596-2063, vixmann@mail.ru

Волкова Елена Николаевна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ПИ РАО); профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация; ORCID: 0000-0001-9667-4752, SPIN-код: 6932-2512, envolkova@yandex.ru

Скитневская Лариса Витальевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация ORCID: 0000-0002-9353-2430, SPIN-код: 6123-8547, skitla@mail.ru

Information about the authors

Vikhman Aleksander A. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Department of Practical Psychology, Director of the Perm Scientific Center of the Russian Academy of Education, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, ORCID: 0000-0002-5483-1702, SPIN-code: 6596-2063, vixmann@mail.ru

Volkova Elena N. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Psychology of Childhood and Digital Socialization, Psychological Institute of the Russian Academy of Education (PI RAO); Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Moscow, Russian Federation; ORCID: 0000-0001-9667-4752, SPIN-code: 6932-2512, envolkova@yandex.ru

Skitnevskaya Larisa V. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Practical Psychology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-9353-2430, SPIN-code: 6123-8547, skitla@mail.ru

Поступила в редакцию: 23.05.2023

Принята к публикации: 20.12.2023

Опубликована: 29.12.2023